

# ВЕРХОМ НА ТИГРЕ

Артем Рудницкий

Ж

# ВЕРХОМ НА ТИГРЕ

Артем Рудницкий

Всё на секретности  
попытки НК  
Секретность  
В. М. Мухоморов  
19/10  
2000  
39



СЕКРЕТНО.

# **Артем Юрьевич Рудницкий**

## **Верхом на тигре.**

### **Дипломатический роман**

### **в диалогах и документах**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=64838281](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64838281)*

*Верхом на тигре. Дипломатический роман в диалогах и документах: ИД  
«Книжники»; Москва; 2021  
ISBN 978-5-906999-47-4*

### **Аннотация**

Новая книга историка и дипломата Артема Рудницкого рассказывает о советско-германских отношениях в предвоенный период, точнее – о дипломатической «кухне». Она основана на уникальной подборке архивных документов: служебной переписке, шифротелеграммах, официальных нотах, меморандумах, справках и частных письмах. Время большой внешнеполитической игры совпадает с драматическими событиями внутри страны и дипломатического ведомства. На смену высокопрофессиональным кадрам, подготовленным Чичериным и Литвиновым, приходят другие люди: идеологически проверенные, но зачастую плохо разбирающиеся в механизмах и практике дипломатической службы. Многие из прежних дипломатов расстреляны или отправлены в лагеря.

Документы, собранные автором, будоражат воображение не меньше приключенческого романа, возвращают нас в то время, когда история находилась на развилке дорог. Извилистые пути политики и дипломатии, неожиданные повороты и развороты, мельчайшие детали, по которым опытные профессионалы «считывали» позицию противоположной стороны, – все это составляет увлекательный и познавательный предмет настоящей книги.

Рудницкий Артем Юрьевич, доктор исторических наук, в течение многих лет находился на дипломатической работе. Автор ряда книг и публикаций, посвященных истории международных отношений, российской внешней политики, русским дипломатам.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

# Содержание

От автора	5
Часть первая	16
Два вождя	18
Дух Рапалло	24
От любви до ненависти	31
Два вождя	39
Параллельными курсами	41
Непросто дружить с Гитлером	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61
Комментарии	

# Артем Рудницкий

## Верхом на тигре.

### Дипломатический роман в диалогах и документах

*Я хотел бы выразить глубокую  
признательность коллегам в Историко-  
документальном департаменте МИД России за  
дружескую и моральную поддержку при работе над  
книгой.*

*Особая благодарность – сотрудникам  
издательства «Книжники». Такой высокий класс  
редакторской работы – редкость в наше время.  
Спасибо!*

*Посвящается советским дипломатам –  
жертвам сталинских репрессий*

## От автора

Массив научной и публицистической литературы, посвященной советско-германским отношениям в предвоенный период, столь огромен, что возникает вполне законный во-

прос: неужели к этому можно что-то добавить?

Думаю, что да. Иначе я не взялся бы за эту работу.

Конечно, не стоит повторять избитые истины, топтаться вокруг хорошо изученных фактов и заниматься сведением политических счетов с помощью топорно сработанных идеологических клише. Если уж рассказывать – так что-то действительно новое или по крайней мере малоизвестное.

Я попытался это сделать, обратившись к той стороне советско-германских отношений, которая обычно остается в тени. Речь идет о дипломатической практике, если угодно – непосредственно о «дипломатической кухне». Лидеры государств определяют международную стратегию, а воплощают ее люди малоприметные, непубличные: сотрудники центральных аппаратов министерств иностранных дел, посольств, консульств и прочих дипломатических миссий. То, как это делается, безумно интересно, но чаще всего остается «за кадром» и лишь изредка становится общедоступным. Дипломатические документы – шифртелеграммы, почтовая переписка, официальные ноты, меморандумы, служебные справки – оседают в недрах архивов, и мало кто до них добирается. Между тем в этих материалах содержатся сведения о ярких, порой кажущихся невероятными страницах истории, судьбах людей, втянутых в водоворот событий. Советскую дипломатию представляли сотрудники Народного комиссариата иностранных дел (сокращенно – НКИД, наркомат) и заграничных представительств. К ним относились

полпредства (то есть полномочные представительства, термин «посольства» ввели только в 1941 году) и консульства.

Тот факт, что в Германии правил бал нацистский режим, не мог не накладывать отпечаток на работу дипломатов в полпредстве в Берлине и генеральных консульствах в Гамбурге и Кенигсберге. Постоянная слежка, провокации, контроль со стороны местных властей. Вместе с тем немецкая сторона во многом соблюдала международные нормы. Даже в самые худшие и острые периоды двусторонних отношений советские представители корректно и непринужденно общались с немецкими чиновниками. Посещали официальные мероприятия, званые обеды и ужины, обменивались рукопожатиями с Гитлером, сидели бок о бок с Герингом, Геббельсом и другими нацистскими главарями, вели светские беседы. Ради дела, разумеется.

СССР добивался у Германии новых кредитов, предлагал расширять торгово-экономические отношения. Регулярно заключались кредитно-финансовые и торговые соглашения.

Путь к советско-германскому договору о ненападении 23 августа 1939 года (вкуче с пресловутым секретным протоколом) был извилист, стороны вели сложную дипломатическую игру, в который случались свои откаты и неожиданные повороты. Разве не будоражит воображение полудетективная история о направлении в Москву высокопоставленной германской делегации в январе 1939 года? Если бы она

прибыла в советскую столицу, пакт мог бы быть заключен гораздо раньше августа. Но делегацию тормознули в Варшаве, ее руководителя на пару дней фактически посадили под домашний арест, а Москве представили неубедительные объяснения. Советское правительство сделало из этого выводы и, когда гитлеровцы снова захотели пойти на сближение, долго держало их в напряжении, выжидало.

Обе стороны учитывали малейшие детали, по которым составляли мнение о позициях друг друга. Пригласили главу советской миссии на парад, на концерт или не пригласили? Откликнулся он на приглашение? Насколько радушно приветствовал его Гитлер на новогоднем приеме? Можно назвать это мелочами, но в дипломатии мелочей не бывает.

В предвоенной истории и советско-германских отношениях важную роль сыграли сюжеты, связанные с Мюнхенским соглашением 29–30 сентября 1938 года. Новый свет проливает на них обмен шифртелеграммами между советским полпредом в Праге и центром. Яснее становятся причины, заставившие советское правительство воздержаться от помощи Праге перед лицом германской агрессии.

Вряд ли кого-то оставят равнодушными подробности советско-германских дипломатических контактов во время польской кампании вермахта и польского похода Красной армии в сентябре 1939 года. Или спасение советского полпредства в осажденной Варшаве. Спасало, между прочим, немецкое командование по просьбе руководства НКВД.



Не менее драматична судьба посольства Польши в Москве, которое с началом польского похода в одночасье лишили статуса представительства суверенного государства. Сотрудники утратили дипломатический иммунитет, их жизнь и свобода были поставлены под вопрос. Это уникальный пример в мировой практике. Трудно оставить без внимания перипетии последовавших переговоров с руководителями НКВД при содействии дуайена дипломатического корпуса в Москве и его заместителя. В этом качестве выступали послы Германии и Италии, то есть на выручку полякам пришли главы миссий государств фашистского блока. Они исходили из корпоративных и этических соображений.

Многие страницы книги посвящены деятельности советского полпредства в Берлине в 1939–1941 годах. В этот недолгий период дружбы советских коммунистов и германских нацистов двустороннее сотрудничество претерпело любопытные метаморфозы от своего рода эйфории в связи с внезапным преобразованием заклятого врага в «заклятого друга» до осознания, что эта перемена носит временный и совершенно неубедительный характер. Дипломаты были свидетелями того, как элементы советско-германского сотрудничества сочетались с нараставшими противоречиями.

Поскольку мы взялись исследовать «дипломатическую кухню», то нельзя было не упомянуть и о ее малоприглядной изнанке, о расправах, кляузах, наветах, которых хватало в советской дипломатической среде. Это была эпоха Боль-

шого террора, массовых чисток, в ходе которых физически уничтожался цвет дипломатии СССР. На смену выбитому поколению приходили новые люди, которые всеми правдами и неправдами доказывали свою преданность режиму. Если для этого требовалось настрочить донос – строчили. Не все, ясное дело. Но многие.

К осени 1939 года высококвалифицированных профессионалов, формировавших советско-германские отношения, почти не стало. Во-первых, убирали всех «старых» нкидовцев, представителей революционной интеллигенции, тех, кто независимо мыслил и мог самостоятельно принимать решения. Во-вторых, работавшие на германском направлении рисковали больше других. Вождам, которые разыгрывали не всегда чистоплотные комбинации, ни к чему были лишние свидетели. Это касалось не только сотрудников полпредства в Берлине и курирующего отдела наркомата. Под каток попали все «смежники» – дипломаты из Варшавы, Праги, Вены...

В советской дипломатии в это время начинается новая эпоха. Во главу угла ставятся жесточайшая исполнительская дисциплина и безусловное подчинение решениям центра, которые нельзя было оспаривать. Как говорится, шаг влево, шаг вправо... При этом резко упал общий интеллектуальный уровень сотрудников. Возобладали чиновничья психология и чиновничьи подходы.

Но не все так однозначно. Остатки профессионализма со-

хранились, пробивались и новые ростки. Руководство этому способствовало, сознавая, что иначе попросту вся работа заглохнет. Парадоксы в деятельности НКВД олицетворял Вячеслав Молотов, ближайший соратник Сталина. Сместив своего предшественника Максима Литвинова, он основательно вычистил наркомат, убрав лучших, но потенциально нелояльных сотрудников. Вместе с тем, обладая исключительной работоспособностью и соответствующей квалификацией, Молотов требовал того же от подчиненных.

Иногда поражает, как советская дипломатия, искалеченная и обескровленная, оказывалась в состоянии эффективно выполнять поручения центра. И кое-что делать вне зависимости от этих поручений. Самое важное – бить тревогу в связи с готовившейся Гитлером агрессией против СССР. Мы увидим, насколько ясно и отчетливо в полпредстве в Берлине оценивали грядущее бедствие.

В ряде разделов книги затрагивается еврейская тематика – в русле исследуемых событий, конечно. Сквозь призму дипломатической переписки показано отношение Москвы к Хрустальной ночи, к проблеме еврейских беженцев. После сентября 1939 года советские власти, по сути, отказались принимать переселенцев из районов Польши, оккупированных немцами. Евреев принудительно возвращали назад.

В начале 1941 года в полпредство в Берлине из различных источников поступали сообщения из оккупированной Варшавы, в которых в том числе рассказывалось о геноци-

де евреев. Такие сообщения безотлагательно пересылались в центр.

Структурно книга состоит из трех частей. Первая посвящена периоду, который предшествовал заключению пакта и характеризовался резкими колебаниями советско-германских отношений. Подъемы чередовались со спадами. Вторая отражает развитие ситуации с сентября 1939 до конца 1940 года. Этот этап отличался определенной стабильностью. Москва и Берлин уверяли друг друга в дружеских чувствах, хотя подозрительность и недоверие постепенно усиливались. В третьей речь идет о событиях, которые привели к краху советско-германского «проекта».

В книгу вошел ряд эпизодов, скажем так, ненаучного свойства.

Я задавался вопросом: что думали советские руководители той, предвоенной поры, почему они действовали так, а не иначе? В первую очередь, главный вождь Сталин и его ближайший соратник, вождь рангом ниже, Молотов.

Я попытался представить, каким мог быть диалог двух вождей, рассуждающих о том, как выстраивать сотрудничество с нацистской Германией и надо ли выстраивать его вообще. Два самых влиятельных человека в СССР встречаются то на даче Сталина, то в Кремле, и в ходе душевных разговоров становится понятна возможная подоплека судьбоносных решений тех лет...

Эта книга – не строго научное исследование, хотя необхо-

димые атрибуты присутствуют: анализ источников и литературы, оценки и выводы, научно-справочный аппарат. Скорее это документальное повествование с элементами исследования.

Есть такое выражение: «идти от фактов» или «танцевать от фактов». То же самое – с документами. Так вот, я «танцевал» от документов. Отбирал те, которые казались новыми и важными и наталкивали на обобщения и интересные выводы. Многие из этих документов впервые вводятся в научный (и общественно-политический) оборот.

Источником послужил Архив внешней политики Российской Федерации МИД России, основной центр хранения документации, связанной с внешней политикой и дипломатией нашего государства.

Избранный подход обусловил некоторую фрагментарность исследования. Оно сосредоточено на отдельных узловых моментах, многое опущено. Прежде всего это касается тех исторических вопросов, которые были уже основательно отработаны специалистами.

Один из таких вопросов – советско-германский договор о ненападении и непрекращающаяся полемика вокруг него, которая порой принимает излишне острые формы. Однако высказать свое отношение к пакту, хотя бы в двух словах, было бы уместно.

Подписание этого документа явилось для Москвы вынужденным решением, тут можно согласиться с официаль-

ной советской историографией. Но «вынужденное» не всегда означает «правильное». Судят по результату, а результат известен.

Пакт произвел ошеломляющее впечатление на весь мир. Это событие казалось невозможным, из ряда вон выходящим. Дружеских рукопожатий с нацистскими главарями ожидали от кого угодно, но только не от советских вождей.

Илья Эренбург писал: «Умом я понимал, что случилось неизбежное. А сердцем не мог принять...»<sup>[1]</sup> Аналогично отреагировал Константин Симонов: «Что-то перевернулось в окружающем нас мире и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были, вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта»<sup>[2]</sup>.

Люди поколения Эренбурга и Симонова интуитивно чувствовали: нельзя заигрывать с фашизмом, сделка с дьяволом ни к чему хорошему не приведет.

А вот Сталин так, скорее всего, не думал. Он был предельно циничен и свободен от ненужных рефлексий. Помимо заботы о национальных интересах и национальной безопасности (как он их понимал), заключение пакта явилось для него ответом на длительное унижение советского государства со стороны западных демократий, которые мешали верховному правителю вернуть СССР его место в ряду великих держав, утраченное после Революции 1917 года. Англичане и французы общались на равных с Гитлером и Муссолини, но не снисходили до Сталина. Торпедировали его инициативы по

формированию системы коллективной безопасности. Мешали помогать республиканцам в Испании. Отставили в сторону во время чехословацкого кризиса. Не позвали в Мюнхен. Юлили и хитрили на весенне-летних переговорах 1939 года и направили в Москву делегации, лишённые значимых полномочий. Это ли не оскорбление? Это ли не унижение?

Сталин видел, что Гитлер – враг, но, подписав с ним договор, преподнес урок «двуличным демократам». Вывел СССР в ряд крупнейших международных игроков, и в этом смысле заключение пакта было вполне оправданно. Другое дело, как советское государство распорядилось своим вновь обретенным влиянием и великодержавным статусом, как использовало выигрыш во времени для подготовки к отпору агрессии.

Гитлера пытались по очереди «оседлать» британский и французский премьер-министры, а затем коммунистический диктатор. Все они в конечном счете попали впросак. Последствия для нашей страны были очень тяжелыми, советский народ дорого заплатил за самоуверенность и ошибки Сталина. Но выдержал все испытания, выстоял в битве с фашизмом и победил.

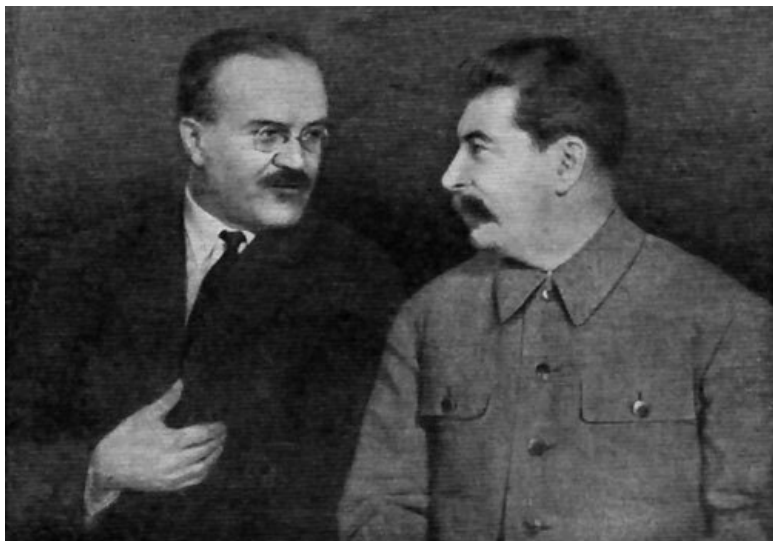
# Часть первая

*Диктаторы ездят верхом на тиграх, боясь с них слезть. А тигры между тем начинают испытывать голод.*

*Уинстон Черчилль*

*Взялся есть суп с дьяволом – выбирай ложку с длинной ручкой.*

*Пуштинская поговорка*



«Товарищи Сталин и Молотов».



Журнал «Огонек», 1940, № 7–8.

Молотов здесь уже в статусе наркома иностранных дел СССР.

# Два вождя

В один из холодных дней февраля 1940 года в кремлевском кабинете беседовали два вождя, руководившие первым в мире социалистическим государством. Точнее, в одну из холодных ночей февраля. Главный вождь, Иосиф Виссарионович Сталин, предпочитал ночной образ жизни. В ночное время ему лучше работалось и отдыхалось.

Уже восемнадцать лет он занимал должность Генерального секретаря Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков<sup>1</sup>. Без его ведома ничего существенного и важного в стране не происходило.

Второй вождь, Вячеслав Михайлович Молотов, к тому времени десять лет занимал пост Председателя Совета народных комиссаров, правительства СССР. Совсем недавно он возглавил и Народный комиссариат иностранных дел.

Разговор шел серьезный и обстоятельный – об отношениях Советского Союза с нацистской Германией, которые за последние полгода ощутимо изменились к лучшему. 23 августа 1939 года Молотов и министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп подписали двусторонний договор о ненападении и секретный дополнительный протокол, что привело к большим переменам в судьбах СССР и Евро-

---

<sup>1</sup> Центральный комитет (ЦК) Коммунистической партии в Советской России и СССР являлся высшим органом власти.

пы.

Сталин верил, что перемены – во благо, и всё же тень сомнения закрадывалась в душу вождя. В таких случаях соратник по партии и глава внешнеполитического ведомства старался укрепить веру Хозяина.

– Ну, чем порадуешь, Молотковский? – поинтересовался Сталин, прищурившись и скрестив ноги в мягких сапожках. Шутливое обращение народного комиссара не обманывало (вождь любил над ним подтрунивать): отвечать следовало по делу. Но Вячеслав Михайлович почувствовал, что собеседник хочет услышать что-нибудь колоритное, не обязательно из области наводивших скуку военно-политических и экономических материй.

– ВОКС<sup>2</sup> выставку народного творчества в Берлине развернул, – с некоторой гордостью поведал нарком.

Рябое лицо вождя осветилось ехидством.

– И что выставили? Самовары и матрешки?

– Не только, – позволил себе тень улыбки Молотов, который вообще-то был неулыбчив. – Используя технику народных ремесел, наши умельцы создают композиции, отражающие созидательный труд советского народа – хлеборобов, шахтеров, металлургов... Перед тем как немцам отправлять, мы эту выставку совместно проинспектировали с Потемкиным, Александровым и Пушкиным.

Александр Александров, заведующий Центральноевро-

---

<sup>2</sup> ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

пейским отделом НКВД, и сотрудник этого отдела Георгий Пушкин принадлежали к новому призыву советских дипломатов, который пришел на смену прежнему поколению, посаженному и расстрелянному. Из прежнего поколения уцелели немногие, включая первого заместителя наркома Владимира Потемкина.

– Фашистам понравилась?

В то время термин «нацисты» в Советском Союзе не был в ходу. В основном им пользовались англичане и американцы. Так уж повелось, что с начала 1920-х годов, когда в Италии появились чернорубашечники и Муссолини устроил поход на Рим, советские граждане всех своих врагов принялись зачислять в фашисты. Были польские фашисты, венгерские фашисты, болгарские, румынские фашисты и другие, которые в строгом смысле таковыми не являлись. Были еще социал-фашисты, то есть представители западной социал-демократии. Но в качестве главных фашистов выступали, конечно, члены НСДАП, германской национал-социалистской рабочей партии, гестапо, командование вермахта и все главари Третьего рейха.

– Понравилось, – застенчиво подтвердил Молотов. – Выставку Риббентроп изучил вместе со своим помощником по культурным вопросам Гляйстом. Дали добро возить по всей Германии. Но мы считаем, что эту экспозицию нужно развивать, дополнять, совершенствовать. – Молотов всмотрелся в рябую физиономию вождя в надежде обнаружить поло-

жительный отклик.

– Как именно, Молотошвили?

– Твой портрет добавить, Коба, – разъяснил нарком. В иные, редкие минуты общения со Сталиным, воспринимавшиеся как дружественно-непринужденные, он полагал возможным обращаться к Хозяину как в добрые старые времена совместной революционной деятельности.

– Чьей работы?

– Космина.

– А-а-а, – протянул Сталин. – Хороший художник. Раньше Врангеля рисовал, теперь меня рисует.

Молотов вспотел. Этой подробности он не знал.

– Можем, конечно, не посылать...

– Отчего же. А они нам Гитлера пришлют. Будем его портрет показывать. Так надо понимать?

– Нет, – смешался Молотов. – Они не стали картины присылать. Они выставку дорожного и автомобильного строительства прислали.

– Вот и вы пошлите что-нибудь такое, без художеств, – буркнул Сталин, давая понять, что сюжет с выставкой себя исчерпал. – Скажи мне лучше... Как наши люди к дружбе с фашистами относятся? Привыкли?

Нужно сказать, что за годы советской власти население Советской России, а затем СССР привыкло ко многому. Научилось не удивляться и быстро приноравливаться к внезапным поворотам и зигзагам курса социалистического го-

сударства. Сначала военный коммунизм, потом НЭП, потом без НЭПа – с индустриализацией, коллективизацией и истреблением крестьян. Героев Октября и Гражданской войны замучили и убили. Полководцев и создателей Красной армии арестовали и казнили. Народ перестал удивляться. Борьба с фашистской Германией не на жизнь, а на смерть сменилась дружбой с фашистской Германией. Еще в середине августа 1939 года договаривались с англичанами и французами о взаимной помощи, а через месяц англичане и французы превратились в поджигателей войны, которым противостояла миролюбивая Германия.

Все это Молотов в своих публичных выступлениях неоднократно подчеркивал. Поэтому отреагировал так, как ожидал Сталин. Без тени фамильярности, со всей серьезностью:

– Люди верят вам и Коммунистической партии, Иосиф Виссарионович. Раз мы подписали пакт, значит, в том была необходимость. Никто не сомневается. Англичане и французы сами виноваты. Крутили, финтили, сколько раз обманывали, хотели нас под монастырь подвести... Гнилые они, ненадежные. Гитлеровцы от них в лучшую сторону отличаются. За рабочих, за трудящихся, как и мы.

– Социалисты, но национальные.

– Вот резидент в Берлине, Кобулов, докладывает, что говорят в фашистских верхах: «Настроение берлинского бюргера мало нас трогает. Рабочего мы, конечно, должны защитить, а бюргер нас не интересует. Национал-социализм ведь

враг буржуазии»<sup>[3]</sup>. Буржуазия и наш враг.

Сталин усмехнулся.

– Ты флаги забыл упомянуть, Молотштейн. Что они почти одинаковые. Красные. Только у них свастика, а у нас серп и молот.

– Это очень показательно, – воодушевился нарком. – Цвета крови. Пролитой рабочим классом в борьбе с помещиками и капиталистами. Красного знамени нет ни у англичан, ни у французов. Или американцев. А у Гитлера есть.

– Как бы не обмишулил он нас.

– Не позволим, Коба! – Вячеслав Михайлович приободрился и в очередной раз перешел на почти дружеский тон. – Конечно, они дулю в кармане держат и в один прекрасный момент попробуют пойти на нас. Не дадим. Я слежу. Чуть что, одернем. А пакт мы правильно подписали.

– Во-первых, ты. Ты подписал, ты, Молотков. Я лишь тост предлагал за фюрера. А во-вторых, чтобы окончательно убедиться в нашей правоте... Время должно пройти. Подтвердить. Что правильно мы согласились на сделку.

– Вроде все к тому шло.

– Да, – согласился Сталин. – Все к тому шло...

# Дух Рапалло

Когда Сталин и Молотов говорили, что «все к тому шло», они подразумевали не только конкретную международную ситуацию, сложившуюся к концу лета 1939 года, но и определенное геополитическое притяжение между двумя державами. Об этом уже много писали<sup>[4]</sup>, но нелишне кое-что добавить.

После Октябрьской революции Германия была единственным западным государством, с которым Советская Россия не просто враждовала, но вступала в непосредственную вооруженную конфронтацию. В начале 1918 года – столкновения на Псковщине, позже – на Украине. С англичанами, французами, американцами и прочими интервентами ничего подобного не происходило.

Тем не менее именно Германия оказалась первой европейской державой, с которой Советская Россия 3 марта 1918 года установила дипломатические связи и подписала мирный договор в Брест-Литовске. Спустя несколько лет в отношениях между двумя государствами возникнет «дух Рапалло». Российский исследователь С. А. Горлов констатировал: «...Основы рапальской политики закладывались уже в заключительный период Первой мировой войны, когда состоялись первые контакты представителей генерального штаба кайзеровской армии и российской социал-демокра-



тии. Именно эти связи, скрепленные щедрой германской финансовой помощью, привели к власти в России правительство В. И. Ленина и помогли ему затем удержаться на плаву»<sup>[5]</sup>.

Советско-германские дипломатические отношения не были разорваны даже после убийства немецкого посла графа Мирбаха, их развитие приостановила только Ноябрьская революция в Германии. Однако почва для сближения сохранялась. Оба государства нуждались в том, чтобы высвободить ресурсы и силы не для сведения счетов на полях сражений, а для конструктивного взаимодействия.

Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (РСФСР) и Веймарскую республику объединяла общая неудовлетворенность международной архитектурой Европы, которую разработали участники Парижской мирной конференции. На этот пир победителей ни русских, ни немцев не допустили. Русских возмущала та легкость, с какой державы Антанты забыли их вклад в победу в Первой мировой войне, а немцев – чрезмерно жесткие условия мира. В итоге РСФСР и Германия стали париями Европы.

Большевики какое-то время питали надежды договориться с «законодателями моды» в международных отношениях, Великобританией и Францией, чтобы те не вмешивались во внутренние дела Советской России, вывели войска с ее территории, прекратили помогать силам, которые старались

свергнуть коммунистический режим.

Эти надежды обернулись разочарованием. Не удалось реализовать мирный выход из Гражданской войны (несостоявшаяся конференция на Принцевых островах в 1919 году). Антанта упорно поддерживала Белое движение в его различных реинкарнациях. Когда же советское правительство сделало ставку на налаживание мирного сосуществования с ведущими европейскими державами, то не нашло достаточно-го сочувствия и понимания у англичан и французов. Это повлекло за собой провал Генуэзской конференции 1922 года.

Договор, подписанный тогда РСФСР с Веймарской республикой в небольшом итальянском городке Рапалло, открыл путь к восстановлению дипломатических связей, к масштабному экономическому и военно-техническому сотрудничеству, о котором было не принято упоминать в советской историографии. Развивалось оно неровно, с откатами, с оглядкой на другие европейские центры силы, но в целом стало важным фактором в упрочении внутренних и международных позиций Германии и Советского Союза.

Свою роль сыграло еще одно обстоятельство, подталкивавшее советских коммунистов к Германии, а не к Великобритании или США, – обстоятельство культурно-психологического или, если угодно, ментального свойства. Исторически, еще с петровских времен, Германия была ближе России, чем далекие и менее знакомые и понятные страны, расположенные на Британских островах и в Северной Америке. От-

носителем близка была Франция, но все же не так, как Германия. К тому же французы в межвоенный период постепенно теряли влияние и уходили в «английскую тень».

Л. А. Безыменский, автор содержательного труда «Гитлер и Сталин: перед схваткой», вспоминал о том, как уже после 22 июня 1941 года рассуждали в его студенческой компании: «Самое удивительное, что и тогда нам как-то ближе была ставшая врагом Германия, чем совсем чуждые и далекие Англия, Франция и США»<sup>[6]</sup>.

В 1920-е годы РСФСР, а затем СССР тайно помогали друзьям-немцам обходить «неудобные» пункты Версальского договора, запрещавшего подготовку высших офицеров артиллерийских и танковых войск, развитие авиации и химических средств ведения войны. Все это осуществлялось на советской территории. Со своей стороны, Красная армия получила возможность пользоваться услугами германских военных советников. Обе армии обменивались информацией. В течение всего десятилетия советско-германская торговля процветала. Немцы вкладывали свой капитал в советскую промышленность и получали концессии в Советском Союзе. Советское правительство закупало в Германии оборудование и приглашало на работу немецких технических специалистов.

С. А. Горлов собрал многочисленные свидетельства формирования в обеих странах мощного лобби, выступавшего за их конструктивное взаимодействие<sup>[7]</sup>. С началом массо-

вых репрессий в СССР было ликвидировано большинство членов этого лобби, выдающихся военачальников, государственных и политических деятелей. И все же не приходилось говорить о его полном исчезновении хотя бы потому, что это лобби возглавлял сам Сталин, длительное время акцентировавший дружбу с Германией: «...если уж говорить о наших симпатиях к какой-либо нации или, вернее, к большинству какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам. С этими симпатиями не сравнить наших чувств к американцам»<sup>[8]</sup>.

Многие современники подтверждали сталинские симпатии. Слово Вальтеру Кривицкому, высокопоставленному советскому разведчику, ставшему невозвращенцем:

Если в Кремле и был кто-то, чье настроение можно было назвать прогерманским, то таким человеком с самого начала был Сталин. Он приветствовал сотрудничество с Германией с самого момента смерти Ленина и не изменил ему, когда к власти пришел Гитлер. Напротив, триумфальная победа нацистов укрепила его убежденность в необходимости искать дружбы с Берлином. Японская угроза на Дальнем Востоке только подстегнула его шаги в этом направлении. Он питал величайшее презрение к «слабым» демократическим правительствам и в равной степени уважал «могучие» тоталитарные государства. Он неизменно руководствовался правилом, что надо поддерживать

добрые отношения со сверхдержавой<sup>[9]</sup>.

Мнение Александра Некрича, автора книги «1941, 22 июня», в свое время ставшей сенсацией и запрещенной в СССР:

В Советском же Союзе наиболее влиятельным сторонником развития советско-германских отношений был сам Сталин. Его не пугало усиление в начале 30-х годов национал-социалистов. К националистам он относился вполне терпимо, если речь шла о националистах на Западе, разумеется. Кроме того, он рассчитывал, что если национал-социалисты придут к власти в Германии, то они выметут ненавистных социал-демократов, а в своей внешней политике будут поглощены ревизией Версаля, то есть их усилия будут направлены против западных стран, Антанты, к выгоде Советского Союза.

...С начала 20-х годов Сталин привык смотреть на Германию как на естественного союзника. В конечном счете Германия, согласно указаниям классиков марксизма-ленинизма и директивам Коминтерна, должна была стать социалистической. Сталина, озабоченного превращением Советского Союза в мощную военную державу и утверждением собственной, никем не оспариваемой диктатуры, устраивала любая дружественная СССР Германия, вне зависимости от ее режима. Национал-социализм даже был лучше, чем любой другой режим, ибо начисто вымел демократию из Германии. Образ мышления

немецкого диктатора был советскому диктатору ближе и понятнее, чем позиция государственных деятелей демократического Запада<sup>3[10]</sup>.

---

<sup>3</sup> Здесь и далее в цитируемых документах сохранены оригинальные орфография и пунктуация. – *Прим. ред.*

# От любви до ненависти

С приходом к власти Гитлера у кремлевских руководителей должны были зародиться сомнения в возможности и целесообразности советско-германского сотрудничества. Социалистическое государство не могло оставаться безучастным к преследованиям коммунистов и всех левых сил внутри Германии, а также к переменам в сфере ее международной политики. Претензии немецкого фюрера на *Lebensraum im Osten*<sup>4</sup> не составляли секрета, и открытые призывы к «колонизации новых территорий на востоке» вызывали тревогу.

К советским дипломатам стекалась информация о том, каким образом Гитлер намерен был приступить к осуществлению своих агрессивных планов. В феврале 1934 года заместитель наркома иностранных дел Борис Стомоняков написал полпреду СССР (то есть полномочному представителю – так до 1941 года назывались советские послы) во Франции Валериану Довгалевскому: «Получено сообщение, что в руководящих гитлеровских кругах обсуждаются за последнее время два варианта разрешения проблемы Советского Союза: переворот при помощи русских национал-социалистов или война между СССР и одним из его соседей (Япония, Польша), которым Германия должна оказать всякую поддержку»<sup>[11]</sup>.

---

<sup>4</sup> Жизненное пространство на востоке (нем.).

В апреле 1933 года рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс рассказал министру иностранных дел Польши Юзефу Беку о планах нацистской верхушки по оккупации советских территорий. О своих намерениях в отношении Польской республики гитлеровцы в то время помалкивали. Германо-польские переговоры состоялись в Париже, и подробные сведения о них советская разведка получила от секретаря тогдашнего шефа французского внешнеполитического ведомства Поля Бонкура. Приведем высказывание Геббельса, которое было передано в шифртелеграмме полпредства:

На Западе Германии делать нечего. Запад перенаселен и слишком цивилизован. Ни о какой экспансии на Запад мы не думаем. Наши помыслы устремлены на Восток, на украинские равнины. Здесь наши интересы совпадают с вашими. Ключ к двери, запирающей эти равнины, в Ваших руках. Не стоит ломать эту дверь силой – лучше, если Вы поможете нам ее отпереть. Польша и Германия могут удовлетворить все их нужды за счет России и лимитрофных государств. Мы предлагаем Вам взять Балтийское побережье от Мемеля<sup>5</sup> до Либавы<sup>6</sup> и таким образом получить действительный выход к морю, с прекрасными портами, несравнимыми с Данцигом<sup>7</sup> и Гдыней. Далее,

---

<sup>5</sup> Литовский город Клайпеда.

<sup>6</sup> Латышский город Лиепая.

<sup>7</sup> Данциг (ныне Гданьск) – в межвоенный период город-государство, в котором Польша имела особые права, но население было преимущественно немецким.



на юге, начиная от Восточной Галиции, Польша получит выход к Черному морю с Одессой, и таким образом исполнится мечта поляков о Польше, протянувшейся от моря к морю<sup>[12]</sup>.

Польша сама хотела расширить свои границы за счет Украины, но в Берлине надеялись ограничить ее аппетиты лишь частью этой территории, при этом уступив Варшаве всю Литву. Латвию и Эстонию, доверительно сообщил Геббельс, Германия желала оставить за собой. Кавказу также предстояло войти в состав Германии. О большем на том этапе вроде бы не помышляли – в конце концов, шел только 1933 год. Но главный принцип уже тогда формулировался четко, на века: «...Россия будет отброшена в северные леса, из которых она выберется через добрых 200 лет; в течение этого времени мы можем жить спокойно»<sup>[13]</sup>.

Геббельс заявил Беку, что озвученный им проект разделяется «всею партией и правительством» Германии<sup>[14]</sup>.

В Москве не могла остаться незамеченной антисоветская кампания в германской прессе, которая с приходом к власти нацистов приняла системный характер. Советская пресса не оставалась в долгу.

Стороны обменивались и другими «любезностями». Советских граждан притесняли и преследовали на германской территории, а германских – на советской. В тюрьмах и лагерях СССР находились сотни немцев. С каждой неделей и месяцем их число росло. В стране поднималась волна шпи-

ономании, присущая советскому образу жизни и восприятию окружающего мира. В середине 1930-х годов в основном ловили «германских шпионов». Незавидная участь ждала немцев, включая технических специалистов, приезжавших на работу в Советский Союз – способствовать социалистической индустриализации. С середины 1930-х годов их уже не жаловали, равно как немецких бизнесменов.

К 1935 году в Москве оставалось не так много представителей германских фирм, и власти чинили им всевозможные препятствия в работе. Тем же, кто хотел приехать в СССР, нередко отказывали в визе. В течение года семеро германских коммерсантов и промышленников получили предписание о выезде или отказ во въезде<sup>[15]</sup>. Сам факт, что человек – иностранец, делал его уязвимым и подозрительным в представлении советских органов безопасности. Немцев, учитывая испортившиеся отношения, «шерстили» с особым пристрастием.

Германский посол Вернер фон дер Шуленбург в 1935 году ходатайствовал об освобождении инженера Курта Адольфа Фукса, осужденного на 10 лет лагерей. Зондировалась возможность его обмена на кого-то из арестованных в Германии советских граждан или германских коммунистов. Заместитель народного комиссара иностранных дел Николай Крестинский сообщал об этом Якову Агранову, первому заместителю наркома внутренних дел, и просил выяснить, «есть ли среди арестованных в Германии товарищей интересую-

щие нас настолько, что мы могли бы отдать в обмен за них Фукса». В случае согласия чекиста Крестинский предлагал вынести обмен на обсуждение ЦК<sup>[16]</sup>.

Не будем гадать, было ли сфабриковано дело Фукса, трудившегося на ленинградском мясокомбинате, действительно ли он являлся «резидентом тайной германской полиции»<sup>[17]</sup>. Этот персонаж вполне годился для обмена, но Крестинского беспокоило: выживет ли Фукс в условиях советской неволи? Не отдаст ли богу душу до того, как его решат обменять (если вообще решат)?

Условия содержания иностранных граждан в советских тюрьмах и лагерях мало чем отличались от условий содержания граждан СССР. Высокий уровень смертности среди узников был вызван побоями, пытками, отвратительным питанием и прочими способами, которыми сотрудники «органов» добивались признательных показаний. Разумеется, в свидетельствах о смерти назывались другие причины, но звучали они малоубедительно. Для сотрудников НКВД это создавало серьезную проблему: передавать подобного рода сфабрикованные свидетельства в посольства было по меньшей мере неосмотрительно, это могло повлечь за собой дипломатический скандал.

Наглядная иллюстрация – письмо первого заместителя наркома иностранных дел Потемкина заместителю народного комиссара внутренних дел Всеволоду Меркулову. Оно относится к более позднему периоду, но суть от этого не ме-

няется:

1-й Спецотдел НКВД прислал нам для передачи в германское посольство три свидетельства ЗАГСa о смерти содержащихся в местах заключения германских граждан Аве Готлиба, Вильмерса Германа и Линке Бруно. Указанные в этих свидетельствах причины смерти могут вызвать у немцев нежелательные сомнения и подозрения. Латинские термины, которыми обозначены причины смерти, настолько искажены, что могут породить всякого рода догадки и предположения.

Посылку германскому посольству таких свидетельств о смерти считаю неудобной. Германское посольство, естественно, проявляет особый интерес к каждому случаю смерти германского гражданина, умершего в заключении. Отсюда вытекает необходимость в более тщательном подходе к составлению свидетельств о смерти арестованных<sup>[18]</sup>.

Потемкин, конечно, рассуждал здраво. Причины смерти, сформулированные чекистами, трудно было принять на веру. Указывалось, что Готлиб скончался от «упадка сердечной деятельности», Вильмерс – от «кровавого поноса», Линке – от «выпотного плеврита»<sup>[19]</sup>.

Словом, у Крестинского имелись все основания позаботиться о сохранении физического здоровья Фукса. В письме Агранову упоминалось, что только за последний год было 5–6 случаев смерти в тюрьмах и концлагерях содержащихся там германских граждан. «Каждый такой случай, – писал за-

меститель наркома, — ведет к очень неприятной переписке и разговорам с немцами». При этом указывалось, что Фукс лишен права переписки с посольством и родственниками, что его состояние успело ухудшиться и за его судьбой немецкие дипломаты следят «особенно внимательно»<sup>[20]</sup>. Крестинский предлагал смягчить режим содержания Фукса, перевести его в лагерь, находящийся в местности «в умеренном климате», предоставить возможность переписки и т. п.<sup>[21]</sup>

Менять Фукса, как и других «немецких сидельцев», было на кого. Советские власти располагали подробными сведениями о гражданах своей страны, находившихся в заключении в нацистской Германии. Условия их содержания были не лучше, чем у «инженера-резидента», над ними издевались, их жестоко избивали. Были среди них и женщины, с которыми обращались не лучше. В дипломатических документах упоминается советская гражданка, некая Фрида Кнапп, с которой в гестапо обходились именно таким образом<sup>[22]</sup>.

Стороны не гнушались и мелкими пакостями. В феврале 1935 года НКВД отказал германскому посольству в просьбе возложить венки к могилам немецких солдат, сражавшихся в Первой мировой войне. Они попали в плен, умерли в России и были похоронены на Введенском кладбище в Москве. Посольство просило провести поминальную службу с участием представителей немецкой диаспоры, но ответ получило отрицательный<sup>[23]</sup>.

Шпионаж в интересах Германии стал излюбленным обви-

нением в годы Большого террора. Его предъявляли крупным военачальникам, государственным и партийным деятелям и сошкам поменьше. Летели головы.

## Два вождя

– Не мы первыми начали ссориться, – напомнил Молотов. – Мы мудрость и сдержанность проявили. Не оценили фашисты. Занесло их. Долго не могли определиться, кто враг: мы или гнилые империалисты. Трудное было время. Непонятное.

Сталин согласно кивнул, расстегнул верхнюю пуговицу на своем сером кителе и взял со стола бутылку легкого и ароматного «Цинандали».

– Выпьешь, Вячеслав?

Молотов не возражал. Разве можно возражать Хозяину, который не любил пить в одиночестве, а еще больше не любил, когда ему отказывали, неважно, по какому поводу. К тому же было приятно, что вождь обратился к нему по-дружески. Не «Молотковский» или «Молотосян», а «Вячеслав». Это вдохновляло и стимулировало.

– За наш союз с Гитлером, – предложил тост Сталин и с усмешкой проследил, чтобы председатель правительства выпил свой бокал полностью. – Ты веришь в этот союз?

– Ну как... – смутился Молотов. – Сейчас – одно, а тогда мы здорово расплевались.

Сталин пригубил вино.

– Германия была нашим крупнейшим внешнеторговым партнером. И все коту под хвост... Так казалось.

– Ага, – поддакнул Молотов. – Казалось. Но мы им показали! Сколько фашистских шпионов и прихвостней расстреляли! – Он радостно потер руки, наблюдая, как Сталин вновь наполняет бокалы. – И не сосчитать. Тухачевский, Эйдеман, Корк, Уборевич, Паукер... А сколько мерзавцев помельче обезвредили!

– Не все из них были шпионами.

– Правда? – Нарком чуть не поперхнулся, делая очередной глоток. Закашлялся.

– Правда, – ядовито усмехнулся Сталин. – Но могли быть. К чему голову ломать, сомневаться? В рабоче-крестьянском деле сомнений быть не должно. Следовало показать нашу твердость, готовность отвечать ударом на удар. Чтобы дошло до них. Не зря мы Литвинова на хозяйство поставили. Им в пику. Чтобы еврей их Восточным пактом страшал. Коллективной безопасностью.



## **Параллельными курсами**

В конце весны – летом 1933 года Москва приняла решение свернуть военное сотрудничество с Германией. Это была реакция на враждебные СССР политические установки гитлеровцев. Следовало проучить партнера<sup>[24]</sup>.

Но поведение советского руководства было продиктовано не только примитивной обидой и стремлением следовать принципу «око за око». Разыгрывалась сложная комбинация, в которой одним из главных действующих лиц стал Максим Литвинов – человек волевой, мыслящий, обладавший международным весом и авторитетом. Такая фигура раздражала и пугала Гитлера, опасавшегося, что Европа объединит свои силы и поставит надежную преграду на пути его экспансии.



Максим Литвинов, народный комиссар по иностранным делам СССР. Журнал Newsweek. 1939. 15 мая.

Литвинов развернул необычайную активность по формированию Восточного, или Восточноевропейского пакта, который должен был объединить государства континента для защиты от германской агрессии. В качестве ядра планировавшегося договора предполагались СССР, Великобритания и Франция, то есть ключевые международные игроки. Хотя уже к концу 1934 года стало ясно, что этот масштабный многосторонний проект в полной мере реализовать не удастся, дипломатическая работа продолжалась. Нарком возлагал большие надежды на договоры о взаимопомощи, заключенные Москвой с Парижем и Прагой 2 и 16 мая 1935 года.

История Восточного пакта и трудности, которые в конце концов помешали формированию системы коллективной безопасности, досконально освещены в научной литературе<sup>[25]</sup> и нет необходимости подробно останавливаться на этих вопросах. Вместе с тем важно отметить, что даже на том этапе, характеризовавшемся всплеском взаимной враждебности СССР и Германии, определенный прагматизм в двусторонних отношениях сохранялся. Дипломатические связи не разрывались, не прерывался политический зондаж по различным вопросам.

Фактически в советской внешней политике сочетались два курса. Первый, ориентированный на создание системы коллективной безопасности, озвучивался во всех официальных заявлениях и продвигался на всех уровнях. Второй, на-

целенный на поддержание, а в перспективе – на дальнейшее развитие сотрудничества с Германией, осуществлялся без помпы, лишней огласки, в тиши дипломатических кабинетов.

Версия Кривицкого, будто забота СССР о коллективной безопасности была всего лишь способом давления на Германию с целью вернуть ее в советские объятия, представляется излишне эмоциональной и субъективной. Перебежчик писал: «Вся сталинская международная политика последних шести лет представляла собой серию маневров, рассчитанных на то, чтобы занять удобную позицию для заключения сделки с Гитлером. Когда Сталин вошел в Лигу Наций, когда он предлагал создать систему коллективной безопасности, когда он заигрывал с Францией, флиртовал с Польшей, обхаживал Великобританию, посредничал в Испании, он действовал с оглядкой на Берлин в надежде, что Гитлер учтет его старания завязать дружбу»<sup>[26]</sup>.

В реальности оба советских внешнеполитических курса развивались параллельно и в Москве долгое время не знали, какому из них отдать предпочтение. А в том, что усилия в сфере коллективной безопасности могли использоваться для давления на Гитлера, видится элементарный расчет, в котором трудно усмотреть что-то из ряда вон выходящее и предосудительное. Столь же элементарно и естественно советское сближение с Гитлером могло использоваться для воздействия на политику Лондона и Парижа, подталкивания

их к союзу с Москвой. Не только СССР, но и другие ведущие державы вели сложную политическую игру, стараясь выгадать для себя максимум преимуществ и не ошибиться в окончательном выборе.

# Непросто дружить с Гитлером

Сталин не рассматривал приход Гитлера к власти как непреодолимое препятствие к восстановлению взаимовыгодных отношений. Такой вывод можно было сделать из его выступления на XVII съезде партии в 1934 году: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной»<sup>[27]</sup>.

Сотрудники советского полпредства в Берлине не могли пожаловаться на несоблюдение немецкой стороной правил дипломатического протокола и этикета. Главу советской миссии не обходили приглашениями на официальные приемы у Гитлера или у других руководителей Третьего рейха.

В январе 1934 года Крестинский инструктировал временного поверенного в делах СССР в Германии Сергея Бессонова, приглашенного на заседание рейхстага в связи с годовщиной прихода Гитлера к власти: «Если в речи Гитлера будут содержаться оскорбления по адресу СССР или членов его правительства, Вам нужно будет подняться, уйти из дипложи<sup>8</sup> и из рейхстага». Но поступить так следовало только в крайнем случае, поскольку «демонстративный уход является острой и резкой формой протеста». Прибегнуть к нему

---

<sup>8</sup> Дипломатическая ложа.

рекомендовалось, если в речи действительно будут «элементы оскорбления». Если же дело ограничится «просто критическими замечаниями в адрес советской системы», то они не должны были рассматриваться «как достаточный повод для ухода»<sup>[28]</sup>.

Торгово-экономические и даже военно-технические контакты, пусть на невысоком уровне, но поддерживались. Регулярно возобновлялись кредитно-финансовые и торговые соглашения.

Литвинов, несмотря на свое категорическое неприятие нацизма, не был упрямым германофобом, не призывал к разрыву советско-германских отношений и в принципе не возражал против их вывода из тупика.

Показателен момент личного характера. Уже при нацистском режиме нарком неоднократно проезжал через Берлин, направляясь на чешский водолечебный курорт Мариенбад (сегодня Марианске-Лазне). В архиве сохранились его записки, адресованные полпредству, с просьбой встретить и оказать содействие при проезде через германскую столицу. Это был самый удобный путь. В апреле 1934 года Литвинов ездил на курорт лечить мучивший его бронхит<sup>[29]</sup>.

Вместе с тем в политическом плане для него главной и определяющей установкой, конечно, было достижение союза с Великобританией и Францией. Отношения с Германией, в том числе торгово-экономические, следовало поддерживать на приемлемом, но не высоком уровне. Иного нацисты не

заслуживали. Вот как Литвинов сформулировал свою точку зрения в письме к полпреду СССР в Берлине Якову Сурицу в декабре 1936 года:

Я согласен с Вами также относительно нашей дальнейшей экономической работы в Германии, но буду, однако, теперь против того, чтобы львиная доля возможного нашего импорта на ближайшие годы была отдана Германии в ущерб другим странам. Нам незачем слишком укреплять экономически нынешнюю Германию. Достаточно будет, на мой взгляд, поддерживать экономические отношения с Германией в той лишь мере, в какой это необходимо во избежание полного разрыва между обеими странами<sup>[30]</sup>.

Подобного подхода Литвинов придерживался и в отношении других сфер двустороннего взаимодействия. Говорил, что в Германии не нужно открывать представительство Народного комиссариата здравоохранения и расширять с этой страной культурные связи, когда там у власти находятся нацисты<sup>[31]</sup>.

Возвращение к духу Рапалло в условиях существования в Германии нацистского режима Литвинов считал недопустимым: отсюда оставалось бы два шага до дружбы с гитлеровцами, что, собственно, и случилось после 23 августа 1939 года, когда бывший нарком, снятый с высокого поста, пребывал в опале.

Сталин отличался от Литвинова бóльшей гибкостью,



большим цинизмом и меньшей щепетильностью. Политическую и экономическую выгоду ставил выше всяких моральных соображений. 29 марта 1935 года, во время переговоров с приехавшим в Москву британским министром иностранных дел Энтони Иденом, он дал это понять вполне определенно: «Мы не стремимся к изоляции Германии. Наоборот, мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях. Германцы – великий и храбрый народ. Мы этого никогда не забываем. Этот народ нельзя было надолго удержать в цепях Версальского договора. Рано или поздно германский народ должен был освободиться от версальских цепей».

Естественно, были сделаны оговорки насчет того, что немецкие «формы и обстоятельства этого освобождения от Версаля таковы, что способны вызвать у нас серьезную тревогу» и потому необходим европейский пакт о коллективной безопасности, к которому могла бы присоединиться и Германия<sup>[32]</sup>. Суть от этого не менялась. Сталин не исключал сближения с Гитлером и зондировал британскую позицию. Ему было известно о прогерманских настроениях в правящих кругах Соединенного королевства и о готовившемся англо-германском морском соглашении<sup>9</sup>.

Судя по всему, вождь не исключал различные схемы, которые могли вернуть Советскому Союзу статус великой державы, дать возможность вершить судьбы Европы и мира. С Великобританией, Францией против Германии – один ва-

---

<sup>9</sup> Заключено в июне 1935 г.

риант. Другой – не отталкивать Германию, приблизить ее, посулив слом Версальского договора, который в СССР изначально не приветствовали. Если в результате образуется «международный концерт» с участием Великобритании и Франции (наподобие того, который возник после Венского конгресса 1814–1815 годов), то тем лучше. Главное, чтобы Советский Союз играл в этом «концерте» такую же видную роль, как ту, что играла императорская Россия в «концерте» первой половины XIX столетия.

Последний сценарий на самом деле представлялся наименее вероятным: Великобритания исключала совместное участие с Советским Союзом в каком-либо международном объединении. Значительная часть британских правящих кругов проявляла прогерманские симпатии и инициировала политику умиротворения гитлеровцев, в рамках которой французы играли роль не ведущего, а ведомого.

Видным представителем этой политики был британский посол в Берлине Невил Гендерсон<sup>10</sup>, славившийся своими прогерманскими симпатиями и ненавистью к СССР. В июне 1937 года он заявил советскому временному поверенному в делах Георгию Астахову: «Я не хотел бы ехать в СССР. Меня там, наверное, арестовали бы. Ведь я стою за дружбу с Германией»<sup>[33]</sup>. Когда в мае 1938 года в Берлин прибыл полпред Алексей Мерекалов, Гендерсон не потрудился ответить на его первый визит, что с протокольной точки зрения было

---

<sup>10</sup> Посол Великобритании в Германии в 1937–1939 гг.

«актом исключительной невежливости»<sup>[34]</sup>.

Астахов составил колоритный политический портрет британского посла, акцентируя германофильство Гендерсона. «Отношения его с немцами переходили грани дипломатического контакта. В дипкорпусе говорили, например, что он обращался к немцам с просьбой разрешить пользоваться садом министерства иностранных дел, чтобы там прогуливать свою собачку (здание британского посольства находится рядом с МИДом). Гендерсон играл активную и усердную роль в проведении политики англо-германского сближения, давшей свои плоды в виде мюнхенского соглашения. Приезды Лондондерри и Галифакса<sup>11</sup> (еще во время пребывания Идена в кабинете) прошли при его усиленном содействии»<sup>[35]</sup>.

Позиция Великобритании служила основным препятствием для осуществления любых планов советского руководства, будь то формирование системы коллективной безопасности или сближение с Германией. Гитлеровцы не собирались портить отношения с Лондоном. К тому же контакт с СССР означал для них своего рода идеологическое отступление, к которому они тогда еще не были готовы. В общем, было большим вопросом, удастся ли попытка придать импульс советско-германским отношениям и восстановить двустороннее сотрудничество. В конце 1934 – начале 1935 го-

---

<sup>11</sup> Лорд Чарльз Лондондерри, одна из центральных фигур «клайвденской клики» – группы влиятельных государственных и политических деятелей, выступавших за англо-германское сближение; Эдуард Галифакс – министр иностранных дел Великобритании в 1938–1940 гг.

да такая попытка была предпринята по указанию Сталина и связана с так называемой миссией Канделаки.

В декабре 1934 года Литвинов сухо информировал Сурица: в Москве «принято решение принять предложение немцев о 200-миллионном кредите», но «только если немцы дадут товары по той номенклатуре, которая нас интересует»<sup>[36]</sup>. В том же письме сообщалось о приезде в Берлин торгпреда Давида Канделаки, которому Сталин поручил договариваться с германской стороной. «Новым торгпредом назначен наш торгпред в Швеции т. Канделаки... имеется в виду, что переговоры о 200-миллионном кредите поведет он»<sup>[37]</sup>.

Нарком не был в восторге от этого назначения, ведь миссия Канделаки носила не только торгово-экономический, но и политический характер. Такое решение уязвляло и отодвигало в сторону Литвинова, а вместе с ним и НКИД<sup>12</sup>. Однако поступок Сталина был по-своему логичен. Литвинова в Берлине воспринимали отрицательно, а в Сурице (который был евреем, так же как и нарком) видели его протеже. Вдобавок советская дипломатическая служба была проникнута антифашистским духом, и сотрудники НКИД далеко не всегда отдавали себе отчет в том, что при необходимости в Кремле могут «поступиться принципами».

Евгений Гнедин, советский дипломат, работавший в 1930-е годы в полпредстве СССР в Берлине в должно-

---

<sup>12</sup> Поскольку торгпредов назначал Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ).

сти пресс-атташе<sup>[38]</sup>, а позднее возглавлявший Отдел печати НКВД, вспоминал о своей беседе в 1936 году с заместителем наркома внешней торговли Шалвой Элиавой. Тот близко общался со Сталиным и имел представление о планах и настроях вождя. Элиава дал понять, что «наверху» гитлеризм оценивали иначе, чем в советской прессе и в полпредстве в Берлине<sup>[39]</sup>.

Сталин умело распределял роли: Литвинову полагалось заниматься коллективной безопасностью, а Канделаки – налаживать диалог с Германией.

Немцы это понимали. Канделаки, пусть в скромном качестве торгового представителя, они рассматривали как личного посланника и доверенное лицо советского вождя. Не будем вдаваться во все подробности его миссии, которая тщательно изучена<sup>[40]</sup>. Важно отметить, что тогда (до начала 1937 года) двусторонние отношения с Берлином действительно потеплели, снова повеяло духом Рапалло. Едва ли Гитлер на том этапе собирался отказаться от своих захватнических планов. Однако вполне можно допустить, что тактически, в интересах «большой европейской игры», он уже тогда помышлял о перспективах разрядки в отношениях с СССР, на которую решился через четыре года. В известном смысле миссию Канделаки можно расценивать как «пробу пера», генеральную репетицию (правда, не вполне успешную) советско-германского сближения 1939–1941 годов.

Переговоры носили тайный характер. Основным партне-

ром выступал рейхсминистр экономики Ялмар Шахт. В своих донесениях полпредство информировало центр, что этот крупный чиновник настроен на возобновление торгово-экономического взаимодействия с СССР. 20 марта 1935 года было подписано соглашение об экспорте германских товаров в Советский Союз, 9 мая заключен договор о предоставлении германским правительством 200-миллионного кредита сроком на пять лет. В обмен на промышленное оборудование Советский Союз обязался поставлять железную руду, марганец, нефть и цветные металлы. Затем Канделаки принялся обсуждать с Шахтом выделение СССР кредита на 500 миллионов, а потом на миллиард марок сроком на 10 лет. Возлагались надежды на размещение в Германии крупных оборонных заказов.

Но с этим масштабным проектом возникли трудности, поскольку Москву в первую очередь интересовали именно оборонные заказы: военное оборудование и техника. Немцы же не давали гарантии на их размещение на своем рынке, и в результате увеличение кредита во многом теряло смысл для Советского Союза.

В Москве строили далеко идущие планы, основанные на предположении, что сторонником сближения с Советским Союзом выступит Герман Геринг, правая рука Гитлера. В 1936 году Большой Герман возглавил Верховный комиссариат рейха по валютным и сырьевым вопросам. В полпредстве внимательно следили за его высказываниями, фиксируя

все случаи, когда этот нацистский главарь воздерживался от оголтелой антисоветской риторики. На этом основании делался вывод о том, что он благожелательно отнесется к сближению с Советским Союзом.

Однако Геринг должен был еще убедить Гитлера, а фюрер относился к сближению с Москвой чрезвычайно конъюнктурно. В середине 1930-х годов ему было важно в первую очередь сближение с Великобританией и Францией, а для этого следовало разыгрывать антисоветскую карту.

Исходя из переданных ему инструкций, Канделаки добивался улучшения не только торгово-экономических, но и политических отношений. В ходе встреч с Шахтом торгпред подчеркивал, что СССР не был инициатором ухудшения этих отношений и хотел бы восстановить их в полном объеме. Что касается курса на коллективную безопасность (конкретно назывался советско-французский договор о взаимопомощи), то указывалось, что этот договор, дескать, не направлен против Германии и никак ей не повредит. На деле он, конечно, носил ярко выраженный антигерманский, точнее, антифашистский характер, как, впрочем, и вся политика коллективной безопасности, являвшаяся детищем Литвинова. Но Сталин сразу бы от нее отказался, если бы появилась уверенность, что Германия пойдет ему навстречу. К этому сводилась суть наставлений Канделаки<sup>[41]</sup>.

Обнадеживало, что референтом Шахта был двоюродный брат Геринга, Герберт, по сути выступавший посредником на

переговорах. По мнению полпредства, на его встречи с Канделаки давалась санкция самого фюрера. Энтузиазм Герберта насчет сотрудничества с СССР воспринимался как «вдохновляющий»<sup>[42]</sup>. В донесениях полпредства сообщалось, что этот деятель считал «принципиально вполне допустимым выполнение заказов СССР военной промышленностью Германии»<sup>[43]</sup>.

Со статс-секретарем министерства авиации Эрхардом Мильхом обсуждались вопросы «авиасотрудничества»<sup>[44]</sup>. Мильх изъявлял желание посмотреть советские документальные фильмы – «Оборона Киева»<sup>[45]</sup> и особенно интересовавший германские авиационные круги «Воздушный десант»<sup>[46]</sup>.

Большой Герман лично встречался с Канделаки в мае 1936 года (возможно, были и другие встречи), и ближайшее окружение второго человека в рейхе «было чрезвычайно поражено доброжелательными заявлениями Геринга о советско-германских экономических отношениях»<sup>[47]</sup>.

Одновременно с Канделаки шаги по нормализации и расширению советско-германских отношений предпринимали Суриц и Бессонов. 21 декабря 1935 года последний призвал дополнить советско-германский договор о нейтралитете 1926 года пактом о ненападении<sup>[48]</sup>. В Москве заявление о важности сотрудничества с Германией сделал первый заместитель наркома обороны Михаил Тухачевский.

Складывалось впечатление, что в двусторонних отноше-



ниях наметился перелом. В конце 1935 и начале 1936 года все разговоры советских дипломатов вращались вокруг одной темы – «ненормальности теперешних германо-советских отношений»<sup>[49]</sup>. Суриц информировал Крестинского об изменении тона германской печати: резкая критика СССР и советских порядков пошла на убыль. Публиковались статьи о необходимости корректных отношений с СССР<sup>[50]</sup>. Отмечались изменения в поведении Гитлера, который теперь не проявлял открытой враждебности к Советскому Союзу, а демонстрировал «суховатую сдержанность»<sup>[51]</sup>.

О развитии позитивной тенденции свидетельствовали и высказывания Шуленбурга, надеявшегося на прорыв в отношениях двух стран. В феврале 1936 года, находясь в Киеве, он подробно беседовал с уполномоченным НКВД на Украине Адольфом Петровским. «...В последнее время замечен, по мнению Шуленбурга, явный перелом в настроениях», – констатировал Петровский. По его словам, посол обращал внимание на то, «что в одном из своих недавних выступлений Гитлер говорил о нас в примирительном тоне», и «даже Розенберг<sup>13</sup> начинает считать свое старое отношение к нам ошибочным»<sup>[52]</sup>.

При этом советские дипломаты указывали на двойственность германской политики: «С одной стороны, принципиальная непримиримость, неприятие какого-либо компро-

---

<sup>13</sup> Альфред Розенберг – один из руководителей Третьего рейха. В 1941–1945 гг. – рейхсминистр восточных оккупированных территорий.

мисса, а с другой стороны, желание усилить экономические связи вплоть до предложения новых и крупных кредитов». Налицо было стремление «не порывать с нашей картой и хранить ее в резерве»<sup>[53]</sup>.

Однако этот период неопределенности длился недолго. Уже к концу 1936 года стало очевидным, что миссия Канде-лаки забуксовала и все дело ограничилось 200-миллионным кредитом. Ни о каком кредите на 500 миллионов и тем более на миллиард марок речь уже не шла, поскольку так и не удалось договориться о его использовании для закупок военной техники. Вопрос о военно-техническом сотрудничестве вообще снимался с повестки дня. Все возвращалось на круги своя, включая воинственную риторику в СМИ.

Причины, по которым переговоры постигла неудача, могли быть разными. И противодействие со стороны Литвинова, и якобы допущенная Молотовым утечка информации о переговорах (случайная или намеренная) в ходе его публичного выступления на заседании Центрального исполкома СССР 18 января 1936 года, что раздосадовало немцев. Но очевидно, главное заключалось в другом: партнеры были не до конца уверены, что пришло время для осуществления искомой комбинации – ситуация не созрела.

Гитлер ставил перед собой задачи захвата Австрии и Чехословакии, для чего требовалось молчаливое согласие или по крайней мере бездействие Великобритании и Франции. Раздражать эти западные державы преждевременным заиг-

рыванием с СССР было ему не с руки. Лондон и Париж могли предоставить Берлину карт-бланш на европейскую экспансию только в одном случае: если они были уверены, что в дальнейшем эта экспансия будет развиваться на восток, а не на запад. Что касается Сталина, то он не сбрасывал со счетов идею коллективной безопасности и при любых обстоятельствах был не прочь показать фюреру зубы, чтобы в перспективе тот был сговорчивее. В общем, в то время советский вождь и нацистский фюрер ограничились взаимным зондажем, не отрезая себе возможность вернуться к «наведению мостов» в будущем, если обстановка сложится подходящая.

С точки зрения германской верхушки поводом для минимизации контактов послужила неослабевающая антифашистская пропаганда со стороны Коминтерна (Коммунистического интернационала), объединения рабочих и коммунистических партий, следовавшего установкам из столицы мирового пролетариата. В беседе с Канделаки в конце декабря 1936 года, уже на излете переговоров, Шахт сказал об этом без обиняков. Из его отчета министру иностранных дел Константину фон Нейрату: «Во время беседы я заявил, что оживление торговли между Россией и Германией будет возможно только в том случае, если русское правительство воздержится от любой политической пропаганды вне России». Имелась в виду пропаганда Коминтерна. Фактически это был ультиматум Сталину, который тот не мог тогда принять<sup>[54]</sup>.

В принципе, Сталин мог приструнить всецело ему подчинявшийся Коминтерн, умерить его антикапиталистическую риторику и сократить поддержку зарубежных компартий. Но для этого ему нужно было убедиться, что партнер или партнеры действительно идут ему навстречу и подкрепляют свои заявления практическими шагами. Сталин ликвидировал Коминтерн в 1943 году, когда всестороннее сотрудничество СССР с другими ведущими державами антигитлеровской коалиции – с Великобританией и США – длилось уже почти два года и его результаты были вполне осязаемы. А в 1935–1936 годах делать это авансом для Германии вождь не собирался.

Тем более что риторика с обеих сторон становилась острее и жестче. И советско-коминтерновская, и германская. Определенная сдержанность осталась в прошлом, ее место заняли «пятиминутки ненависти». Впрочем, оруэлловское выражение тут не подходит. Для излияния ненависти пяти минут не хватало.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

# Комментарии

1.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М.: Текст, 2005. Т. 2. Кн. IV. С. 36.

2.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М.: Книга, 1989. С. 78.

3.

Об этом резиденту советской разведки в Берлине Амаяку Кобулову в 1940 г. говорил доктор Отто Нидермайер, крупный немецкий военный деятель, ученый и разведчик// АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 14, д. 151, л. 6. (АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации МИД России.).

4.

См., например: Горлов С. Совершенно секретно. Москва – Берлин 1920–1933. М.: Олма-пресс, 1999; Некрич А. 1941, 22 июня. М.: Памятники исторической мысли, 1995.

5.

Горлов С. Указ. соч. С. 11.

6.

Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече,

2000. С. 10.

**7.**

Горлов С. Указ. соч. С. 12–13.

**8.**

Сталин И. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Собр. соч.: в 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 117.

**9.**

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: Яуза-Пресс, 2013. С. 16.

**10.**

Некрич А. Указ. соч. С. 10–11.

**11.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 14, п. 98, д. 33, л. 4–5.

**12.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 14, п. 96, д. 6, л. 32.

**13.**

Там же, л. 33.

**14.**

Там же.

**15.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 30, л. 41.

**16.**

Там же, л. 29.

**17.**

См.: Из истории органов государственной безопасности. Немецкий шпионаж. URL: [mozohin.ru/article/a-13.html](http://mozohin.ru/article/a-13.html).

**18.**

АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 75, л. 96.

**19.**

Там же, л. 97.

**20.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 30, л. 29–30.

**21.**

Там же, л. 30.

**22.**



Там же, л. 42.

**23.**

АВП РФ. ф. 05, оп. 14, п. 98, д. 33, л. 8.

**24.**

Горлов С. Указ. соч. С. 14.

**25.**

См., например: Кремлев С. Россия и Германия: путь к пакту. М.: АСТ, Астрель, 2004; Самсонов А. Вторая мировая война, 1939–1945. Очерки важнейших событий. М.: Аспект Пресс, 1990; Сиполс В. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933–1939. М.: Мысль, 1974; Чубарьян А. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 г. М.: Наука, 2008.

**26.**

Кривицкий В. Указ. соч. С. 17.

**27.**

Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 года. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

**28.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 14, п. 98, д. 33, л. 4.

**29.**

Там же, л. 17.

**30.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 30, л. 36.

**31.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 118, д. 45, л. 40.

**32.**

Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1973.  
Т. XVIII. С. 249.

**33.**

АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 67, л. 12.

**34.**

Там же.

**35.**

Там же.

**36.**

АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 98, д. 33, л. 46.

**37.**

Там же.

**38.**

С февраля 1935 по июнь 1937 г.

**39.**

См.: Некрич А. Указ. соч.

**40.**

См., например: Безыменский Л. Указ. соч.

**41.**

Там же.

**42.**

АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 14, д. 155, л. 175.

**43.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 118, д. 45, л. 137.

**44.**

Там же, л. 13.

**45.**

Документальный фильм об учениях войск Киевского военного округа в 1935 г. вышел в прокат в том же году под названием «Борьба за Киев». Чрезвычайно интересовавший немцев воздушный десант, в том числе попытки десантировать с воздуха танки, вошел эпизодом в эти учения и в соответствующий фильм.

**46.**

АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 118, д. 45, л. 14.

**47.**

Там же, л. 157.

**48.**

Некрич А. Указ. соч.

**49.**

Там же, л. 14.

**50.**

Там же, л. 71.

**51.**

Там же, л. 14, 46, 47.

**52.**

Там же, л. 59.

**53.**

Там же, л. 17, 49.

**54.**

Цит. по: Безыменский Л. Указ. соч. URL: <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/04.html>.